

ГЛАВА IV

Жена и мать ¹⁹

Молодая жена, когда она входитъ въ домъ своего мужа, не является, какъ это бываетъ въ нашей странѣ, въ своей новой жизни, хозяйкой дома съ абсолютнымъ господствомъ надъ всѣми своими маленькими владѣніями. Если родители ея мужа живы, то она дѣлается почти ихъ слугой, и даже ея мужъ не въ состояніи защитить ее отъ требованій свекрови, если эта новая родственница окажется склонность воспользоваться всѣмъ тѣмъ вліяніемъ, которое даетъ ей народный обычай. Счастлива дѣвушка, женихъ которой не имѣетъ родителей! Удобство жизни ея, когда она станетъ женою, выигрываетъ отъ этой потери ея мужа потому, что вмѣсто того, чтобы служить двумъ господамъ, она будетъ тогда служить только одному, и притомъ такому, который будетъ болѣе заботиться объ ея здоровьѣ и удобствахъ, чѣмъ свекровь.

Въ Японіи идея объ отношеніяхъ жены къ своему мужу не включаетъ ни малѣйшаго понятія о товариществѣ на равныхъ условіяхъ. Жена есть просто ключница—главное лицо въ домѣ, къ которому прислуга должна относиться съ почтеніемъ, потому что оно ближе всѣхъ къ хозяину, но отнюдь не потому, чтобы оно считалась равной ему. Она управляетъ хозяйствомъ, и если послѣднее велико, то по-

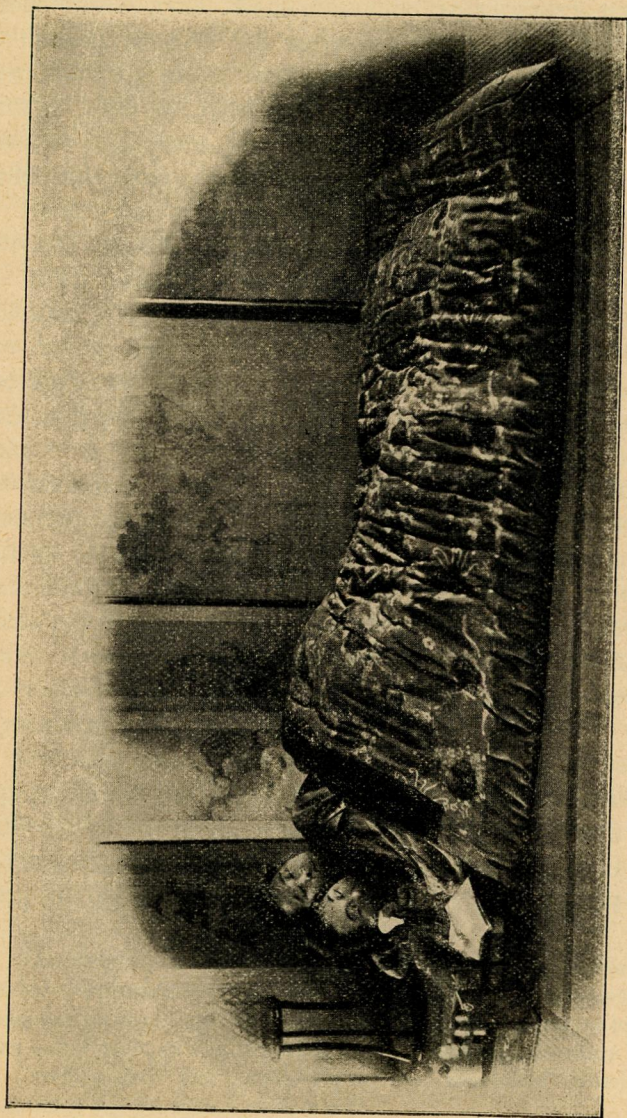
ложене ея сопряжено съ большими заботами и отвѣтственностью; но она не является интимнымъ другомъ своего мужа, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ считаться его довѣренной или совѣтчицей внѣ области мелочного хозяйства. Она рѣдко появляется съ нимъ въ обществѣ, всегда должна ожидать его возвращенія домой, подстерегая его шаги, и должна переносить отъ него все съ улыбающимся лицомъ и пріятными манерами,—даже до приема съ раскрытыми объятіями какой либо другой женщины, которая, какъ она знаетъ, является наложницей ея мужа.

Взамѣнъ всего этого женѣ, если она принадлежитъ къ семьѣ изъ высшихъ классовъ общества, оказывается большое почтеніе со стороны тѣхъ, кто ниже ея. Во многихъ случаяхъ она пользуется искренней, хотя и не основанной на сознаніи, любовью мужа. Если она мать, то ей оказывается почтеніе вдвойнѣ, и если она одарена хорошимъ характеромъ, хорошими манерами и тактомъ, то можетъ сдѣлать свое положеніе не только пріятнымъ для себя, но и весьма полезнымъ для другихъ. Отъ нея одной зависитъ сдѣлать домъ пріятнымъ или непріятнымъ. Ничто не ожидается въ этомъ направленіи отъ ея мужа; онъ можетъ дѣлать все, какъ ему нравится, и никто не будетъ порицать его за то; но если его домъ не счастливъ, даже хотя бы вслѣдствіе его собственнаго неблагоразумія и плохого характера, то порицаніе падетъ на его жену, которая должна умѣть вездѣ, гдѣ это необходимо, восполнять дефекты, являющіеся слѣдствіемъ недостатковъ ея мужа. Вездѣ мужъ—первое лицо, жена—второе. Если мужъ роняетъ вѣеръ или носовой платокъ, жена поднимаетъ его. За столомъ подаютъ блюдо мужу сначала, а женѣ потомъ,—и такъ во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни. Здѣсь нѣтъ идеи о сильномъ муж-

чинѣ, считающемся со слабою женщиною, сохраняющемъ ее отъ утомленія, заботящемся о ней и берегущемъ ее; но здѣсь есть возложеніе на лицо меньшаго значенія обязанности угождать лицу большаго значенія,—отношеніе слуги къ своему господину.

Однако, хотя современное положеніе жены въ Японіи, въ общемъ, характеризуется зависимостью отъ ея покровителя, которому она обязана всѣмъ, что имѣетъ, и для котораго она обязана взаимно того дѣлать все, что можетъ,—зависимость эта во многихъ случаяхъ можетъ быть счастливой.

Положеніе жены, особенно если она и мать своихъ дѣтей, часто пріятно, и ея главная радость и гордость состоятъ въ надлежащемъ веденіи домашняго хозяйства и воспитаніи дѣтей своихъ. Забота о родителяхъ мужа, однако, всетаки должна оставаться главной обязанностью ея въ теченіе всей ихъ жизни. Она должна заботиться о томъ, чтобы они имѣли надлежащую пищу, чтобы одежды ихъ были тщательно сшиты и всегда вычищены, и чтобы вообще они были окружены заботливостью, предупреждающею малѣйшія ихъ желанія. Въ дѣйствительности свекровь является настоящей хозяйкой дома; и хотя во многихъ случаяхъ старшая изъ женщинъ предпочитаетъ свободу отъ отвѣтственности личному вхожденію въ детали домохозяйства, она во всякомъ случаѣ не стѣсняется потребовать, чтобы домъ содержался такъ, какъ нравится ей самой, а не невѣсткѣ. Если на долю дѣвушки выпалъ жребій быть первой невѣсткой въ большомъ семействѣ, то она дѣлается просто однимъ изъ такихъ членовъ его, отъ котораго ожидаютъ много черной работы, на долю котораго придется меньше расположенія, чѣмъ на долю кого либо другого, и отъ котораго требуется быть всегда въ самомъ пріятномъ настроеніи,

Японки, сизиція подь зиннимъ одъяломъ.

при обстоятельствахъ, совѣмъ не способствующихъ спокойствію духа. Жена старшаго сына имѣетъ, однако, то преимущество, что когда ея свекровь уйдетъ изъ дому почему либо, или умретъ, то она дѣлается хозяйкой дома и „главной“ въ семействѣ—положеніе, которое она, быть можетъ, хорошо используетъ, опираясь на уроки, полученные ею отъ свекрови.

Послѣ подчиненія удобствамъ и желаніямъ родителей мужа, жена должна считаться во всемъ съ нимъ самимъ. Она должна оказывать ему всевозможныя услуги, какихъ европеецъ ожидаетъ отъ своего слуги. Она не только должна заботиться объ его костюмѣ, но должна доставать ему его и помогать одѣваться и раздѣваться, а также и убирать снятое имъ платье; и часто она гордится тѣмъ, что исполняетъ собственными руками то, что могло бы быть предоставлено слугамъ, и что въ дѣйствительности требовалось бы отъ нея лишь въ томъ случаѣ, еслибы она не имѣла послѣднихъ. Не только въ бѣднѣйшихъ семьяхъ мытье, шитье, починка всегда лежатъ на обязанностяхъ жены: даже и сама императрица не избавлена въ различныхъ случаяхъ отъ обязанности лично прислуживать своему мужу.

Когда первые лучи утренняго солнца пробиваются черезъ щели темныхъ деревянныхъ ставень, которыя запираются на ночь, молодая жена въ семействѣ тихо поднимается съ постели, гаситъ слабый свѣтъ андона*, который горѣлъ всю ночь, и, осторожно открывая одну

* Андонъ — стоячая лампа, заключенная въ бумажную коробку и употребляющаяся въ качествѣ ночной лампы во всѣхъ японскихъ домахъ. До введенія керосиновыхъ лампъ андонъ былъ единственнымъ источникомъ искусственнаго свѣта въ Японіи. Свѣтъ этотъ достигался горѣніемъ древесной свѣтильни, плавающей въ растительномъ маслѣ.

изъ дверей, выпускаетъ въ комнату столько свѣта, сколько ей нужно для своего туалета. Она поспѣшно одѣвается, едва поправивъ свою сложную куафюру, которой не трогала въ теченіе ночного отдыха *. Затѣмъ она идетъ будить прислугу, если та еще не встала, и съ нею приготовляетъ въ высшей степени скромный завтракъ. Когда маленькіе лакированные столики съ чашечками для риса, блюдечками и палочками поставлены на мѣсто, она тихо подсматриваетъ, не встали ли ея родители и мужъ, есть ли у нихъ горячая вода, огонь въ жаровнѣ и все, что нужно имъ для туалета. Затѣмъ, сама или съ помощью прислуги, открываетъ деревянные ставни и выпускаетъ въ домъ свѣжій утренній воздухъ и солнечный свѣтъ, и сейчасъ же распоряжается о томъ, чтобы эти ставни и стѣны были вымыты и вообще прибраны такъ, чтобы все было готово передъ утреннимъ завтракомъ.

Когда послѣдній конченъ, то мужъ идетъ по своимъ дѣламъ, а маленькая жена провожаетъ его съ пріятнѣйшею улыбкой и низкимъ поклономъ, предварительно посмотрѣвъ, стоитъ ли на мѣстѣ у двери его обувь—сандали, геты или ботинки, готовы ли его зонтикъ, книга, портфель и т. п., и ждетъ ли на мѣстѣ его курума. Конечно, японецъ счастливъ такой всесторонней заботливостью своей умной жены—

* Подушечка, употребляемая женщинами въ Японіи, есть не болѣе, какъ деревянная подставка для головы, которая поддерживаетъ шею, не касаясь головного убора. Голова причесывается профессиональнымъ парикмахеромъ, который приходитъ въ домъ отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Японіи, какъ напримѣръ, въ Кіото, гдѣ волосы причесываются еще тщательно, чѣмъ въ Токио, эта прическа возобновляется еще рѣже. Процессъ головного туалета требуетъ по крайней мѣрѣ двухъ часовъ времени.

хорошей, надежной и доброй служанки, всегда готовой освободить его от мелочных тревог и заботъ. Не удивительно, что въ Японіи нѣтъ холостяковъ. До нѣкоторой степени, я увѣрена, мужчины цѣнятъ такое положеніе дѣлъ и часто искренно любятъ своихъ кроткихъ и пріятныхъ женъ, хотя не дѣлятъ съ ними думъ о серьезныхъ вопросахъ жизни, надеждъ и плановъ, касающихся общественной и государственной дѣятельности мужчины.

Мужъ отправляется на свою повседневную службу, а жена принимается тоже за работу, но—дома. Здѣсь ея сфера, и хотя, въ противоположность другимъ азіатскимъ женщинамъ, японка ходитъ одна, безъ всякихъ стѣсненій, по улицамъ, но всетаки, такъ сказать, мало соприкасается съ большимъ міромъ и не занята тѣмъ кругомъ общественныхъ обязанностей, который наполняетъ жизнь женщины въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе она не лишена абсолютно сношеній съ обществомъ, потому что иногда случаются большіе обѣды, устраиваемые, быть можетъ, въ ея домѣ, гдѣ она должна явиться, какъ хозяйка, рядомъ съ мужемъ и дѣлить съ нимъ обязанности по приему гостей. Кромѣ того, бываютъ болѣе или менѣе многочисленныя собранія друзей ея мужа, при которыхъ она должна смотрѣть, чтобы угощеніе подавалось, какъ слѣдуетъ, хотя бы оно состояло только изъ вездѣсущаго чая и булочекъ. Можетъ быть, даже ей позволятъ присоединиться къ гостямъ и слушать ихъ бесѣду; но если въ числѣ послѣднихъ нѣтъ дамъ, то она, вѣроятно, ограничится только прислуживаніемъ за угощеніемъ. Въ Японіи приняты также дамскіе визиты: знакомыя или родственницы приходятъ просто въ гости или для приглашеній къ себѣ, часто издалека и почти всегда не-

ожиданно, и пріемъ ихъ лежитъ уже всецѣло на хозяйкѣ дома. Вслѣдствіе большихъ разстояній во многихъ городахъ и трудностей передвиженія, въ Японіи вошло въ обычай дѣлать визиты не частые и кратковременные, а рѣдкіе, но долгіе. Гости часто остаются на нѣсколько часовъ, завтракая, обѣдая и даже, если ей далеко возвращаться, проводя въ гостяхъ цѣлую ночь. Такъ строги требованія японскаго гостепріимства, что ни одному гостю не позволяютъ уйти безъ снабженія его частью подававшагося ему угощенія, хотя бы то были только чай и булки. Каждый торговецъ и каждый посыльный, пришедшій въ домъ, долженъ быть угощенъ чаемъ, а садовникамъ, столярамъ и другимъ рабочимъ всякаго рода, занятымъ по дому, надо подать чай, съ легкимъ завтракомъ, въ серединѣ дня и кромѣ того поить ихъ чаемъ нѣсколько разъ въ теченіе остального времени ихъ работы. Если гость пріѣзжаетъ въ джиннерикшѣ, то надо угостить не только гостя, но и курумаю. Соблюденіе всѣхъ этихъ требованій обязываетъ хозяйку дома къ большимъ хлопотамъ и заботамъ.

Въ домахъ богатыхъ и вліятельныхъ людей, съ широкимъ кругомъ знакомства, для хозяекъ жизнь полна пріятнаго разнообразія, хотя послѣднее и требуетъ часто экстренной работы и отвѣтственности.

Здѣсь хозяйка видитъ и слышитъ многое, и ея положеніе требуетъ немало благоразумія и такта даже въ такомъ случаѣ, когда въ ея распоряженіи имѣется много хорошихъ и способныхъ слугъ, раздѣляющихъ съ нею не только трудъ, но и отвѣтственность; въ такихъ семьяхъ умныя жены могутъ познакомиться, косвеннымъ образомъ, съ тѣмъ міромъ, въ которомъ живутъ мужчины, и—если онѣ отъ природы одарены способностями—сдѣлаться хорошими совѣт-

чицами мужей во многих дѣлахъ, выходящихъ изъ поля прямой сферы дѣятельности женщинъ. Умная женщина съ сильною волею часто пользовалась — никому невѣдомо и невидимо — могущественнымъ влияніемъ въ Японіи. Что влияние женщины, къ добру или худу, независимо отъ роли ея, какъ жены и хозяйки, есть признанный фактъ, это видно изъ того обстоятельства, что въ повѣстяхъ и сценическихъ произведеніяхъ женщины часто выступаютъ, какъ факторы въ политическихъ заговорахъ и организованныхъ возмущеніяхъ, а также и въ дѣлахъ личной мести.

Тѣмъ не менѣе, въ Японіи жизнь средней женщины течетъ спокойно, съ малымъ разнообразіемъ монотонности дней ея среди нескончаемыхъ домашнихъ обязанностей; и въ наиболѣе уединенные дома только случайный гость является иногда оживить скучные часы. Главнымъ занятіемъ жены, кромѣ домашнего хозяйства и мелкихъ обязанностей по личнымъ услугамъ мужу и роднымъ, является шитье. Каждая японка, за исключеніемъ занимающихъ высшее положеніе, умѣетъ шить и дѣлаетъ сама костюмы не только себѣ и дѣтямъ, но и мужу. Шитье — одинъ изъ существенныхъ предметовъ воспитанія молодой дѣвушки, и уже съ дѣтства кройка и шитье изъ креповыхъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій составляютъ обычное для нея дѣло. Хотя японскіе костюмы кажутся весьма простыми, обычай требуетъ, чтобы каждый шовъ и каждая складка были сдѣланы въ точности опредѣленнымъ образомъ и въ надлежащемъ мѣстѣ, и этому иногда нелегко научиться. На непосвященнаго въ дѣло иностранца широкій кимоно производитъ одинаковое впечатлѣніе, хорошо или худо сшить онъ; но искусная портниха легко можетъ раз-

личить, если фасонъ недостаточно хорошъ, шовъ не на мѣстѣ, и складки или слишкомъ длинны, или слишкомъ коротки и не одинаковы между собою.

Вышивки и декоративныя рукодѣльныя работы не исполняются въ семьяхъ *. Роскошныя японскія платья суть произведенія профессиональных портныхъ. Въмѣсто безконечныхъ шелковыхъ вышивокъ, вязаній и т. п., на которыя такъ многія американскія дамы тратятъ свои свободные часы, многія японки, даже высшихъ классовъ, отдаютъ значительное количество времени на разведеніе шелковичнаго червя. Въ селахъ, также какъ и въ большихъ городахъ, вездѣ, гдѣ при домѣ просторная лужайка даетъ достаточно мѣста для произрастанія тутовыхъ деревьевъ, шелковичные черви разводятся съ большою заботливостью, и это занятіе доставляетъ много удовольствія предающимся ему.

Тому, кто не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ опыта, трудно представить себѣ, какъ нѣжны эти маленькія созданья. Они страдаютъ, если на нихъ дунетъ скольконибудь замѣтный вѣтерокъ, и малѣйшая перемѣна въ состояніи атмосферы можетъ быть вредна для нихъ. За ними надо ухаживать заботливо въ теченіе сорока дней, и ложе ихъ въ большой плоской бамбуковой корзинкѣ должно освѣжаться ежедневно. Листья, идущіе имъ въ пищу, должны мѣняться часто, такъ какъ малѣйшая сырость фатальна для червей, и, въ случаѣ дождя, каждый листокъ для нихъ долженъ тщательно вытираться. При этомъ самое приготовленіе пищи для нихъ должно сообразоваться съ ихъ возрастомъ, такъ какъ молодымъ лучше давать наръзан-

* Поскольку я знаю, единственное исключеніе имѣется по отношенію къ особаго рода мозаичнымъ работамъ изъ шелка, которыя исполнялись дамами въ домахъ даиміевъ (см. главу VІІ).

ные листья, тогда какъ старымъ—цѣлые. Когда наконецъ нѣсколько жужжащій шумъ грызенія листьевъ прекратится, и послѣдній червь удалится на время спячки въ своею драгоцѣнномъ бѣломъ коконѣ, дѣло диллетантокъ прекращается, потому что коконы посылаются уже женщинамъ-профессіоналисткамъ, особенно искуснымъ въ разматываніи ихъ, а нитки выдѣлываются затѣмъ окончательно уже на фабрикѣ. Сотканная изъ этихъ нитокъ и выкрашенная шелковая матерія поступаетъ къ хозяйкѣ, заботливостью которой черви были взрощены, и показывается ею своимъ роднымъ и знакомымъ съ большою гордостью, какъ продуктъ цѣлаго года труда. Если такая матерія дѣлается предметомъ подарка, то послѣдній цѣнится очень высоко получившимъ его.

Одною и далеко не послѣднею изъ повседневныхъ обязанностей хозяйки является принятіе съ надлежащею признательностью подарковъ, получаемыхъ ею семьею, а также должный „отвѣтъ“ на нихъ. Подарки не приурочиваются непременно къ специальнымъ днямъ или періодамъ года,—хотя въ извѣстныхъ случаяхъ требованія этикета въ этомъ отношеніи весьма строги,—но, вообще говоря, могутъ дариться и приниматься во всякое время, такъ какъ японцы особенно склонны дарить. За всякій полученный подарокъ надо, раньше или позже, послать надлежащій „отвѣтъ“, сообразно времени года и положенію принятаго подарка, и въ такомъ видѣ, какъ предписываетъ этикетъ. Нѣтъ нужды, чтобы подарки были непременно произведеніемъ рукъ человѣческихъ: дарятъ, наприкладъ, сезонные фрукты, пирожное или какіе нибудь деликатесы; посѣщеніе больного также должно сопровождаться поднесеніемъ ему чего нибудь подходящаго. Дѣти, приходящія въ гости, всегда полу-

чаютъ игрушки, и для этой цѣли въ каждой семьѣ имѣется достаточный запасъ послѣднихъ подъ рукой. Кульминаціонное время для подарковъ — это конецъ года; тогда всѣ друзья и знакомые обмѣниваются подарками большей или меньшей цѣнности, сообразно своимъ чувствамъ и средствамъ. Если кто либо оказался при этомъ особенно щедрымъ, и ему надо отвѣчать тѣмъ же, то новый годъ—какъ разъ время для того.

Торговцы посылаютъ въ этотъ день подарки своимъ патронамъ, ученики—учителямъ, пациенты—врачамъ; короче говоря, это — время выполненія всѣхъ обязательствъ, уплаты всякаго рода долговъ и т. п. На седьмой день седьмого мѣсяца года происходитъ другой всеобщій обмѣнъ подарковъ, хотя и не столь универсальный, какъ въ новый годъ. Легко понять, что всѣ эти церемоніи съ подарками требуютъ много заботъ, особенно въ семействахъ съ вліятельнымъ положеніемъ... И вотъ всѣ эти заботы возлагаются на жену, которая въ тайникахъ своихъ запасныхъ складовъ искусно занимается сортировкой полученныхъ подарковъ и соображеніемъ о томъ, въ какихъ случаяхъ, кому, куда и какъ надо, въ свою очередь, переслать ихъ. Употребленіе полученныхъ въ подарокъ вещей на подарки же вызвано требованіями экономіи. Въ этомъ не признаются обыкновенно открыто, но это часто практикуется, даже въ лучшихъ фамиліяхъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ спасаетъ отъ разорительныхъ расходовъ, связанныхъ съ обычаемъ одариванія родныхъ и знакомыхъ.

Время отъ времени молодая жена дѣлаетъ визиты своимъ родственникамъ; кромѣ того, она, вмѣстѣ съ другими членами семейства, посѣщаетъ могилы предковъ своего мужа или своихъ родителей,

если они уже не живы, чтобы принести тамъ дары божествамъ, прочесть молитвы надъ могилами, посадить передъ ними свѣжія вѣтки сакаки *, позаботиться о томъ, чтобы кладбищенскіе священники исполняли все то, что, по мнѣнію японцевъ, требуютъ души умершихъ... Даже и на эти визиты женщина часто смотритъ, какъ на оживленіе среди монотоннаго однообразія скучной домашней жизни.

Иногда всѣ члены семейства вмѣстѣ собираются на веселую экскурсію провести время на воздухѣ, въ красивыхъ садахъ, гдѣ распустились во всемъ своемъ великолѣпнѣи тѣ или другіе изъ любимыхъ народныхъ цвѣтовъ; и случается, что и хозяйка дома участвуетъ въ такой *partie de plaisir*; но гораздо чаще она изъ всѣхъ остается дома, чтобы хорошенько прибраться въ немъ, въ отсутствіе другихъ. Театръ—источникъ большого веселья для японскихъ дамъ—часто является удовольствіемъ, откладывающимся на болѣе зрѣлыя годы жизни.

Японка-мать обыкновенно наслаждается своими дѣтьми и постоянно думаетъ и заботится о надлежащемъ направленіи ихъ привычекъ и манеръ. Она, кажется, постоянно руководитъ ими ласковымъ увѣщаніемъ, и самые строгіе выговоры дѣлаются ею всегда пріятнымъ голосомъ и съ улыбающимся лицомъ. Какъ бы много прислуги ни было въ домѣ, вліяніе японки на своихъ дѣтей всегда непосредственное и личное. Дѣтская комната не отдѣлена отъ апартаментовъ взрослыхъ толстыми стѣнами и длинными коридорами, и тонкія бумажныя перегородки даютъ матери возможность знать всегда, что дѣ-

* Сакаки (*Cleyera japonica*)—священное растеніе, эмблема чистоты; оно часто употребляется при похоронахъ и для украшенія могилъ.

лаютъ ея дѣти, и добра или ласкова, или же сердита и раздражительна съ ними ихъ няня. Дѣти всегда передъ уходомъ изъ дому и по возвращеніи домой заходятъ въ комнату матери, дѣлая при этомъ маленькіе поклоны и повторяя обычные въ такихъ случаяхъ фразы. Когда мать выходитъ изъ дома, всѣ слуги и дѣти провожаютъ ее до дверей, и когда привратникъ восклицаетъ „О каэри“, что служитъ сигналомъ ея возвращенія, дѣти и слуги спѣшаютъ къ воротамъ привѣтствовать ее и изо всѣхъ силъ стараются облегчить ее отъ вещей, которыя она принесла, и сдѣлать возвращеніе ея домой пріятнымъ и спокойнымъ.

Отецъ мало касается дѣла воспитанія своихъ дѣтей, которое всецѣло возлагается на мать, и, за исключеніемъ случаевъ вмѣшательства свекрови, она руководствуется только своими соображеніями въ этомъ дѣлѣ, пока дѣти еще не перешли отроческаго возраста. Послѣднихъ учатъ смотрѣть на отца, какъ на главу, и почитать и слушаться его, какъ существо, которому всѣ должны оказывать уваженіе. Мать — на второмъ планѣ, но всетаки ставится почти также высоко, какъ и онъ, и если дѣти не такъ боятся ея и не оказываютъ ей внѣшнихъ проявленій уваженія въ такой мѣрѣ, какъ отцу, то, конечно, удѣляютъ зато ей болѣешую долю любви и нѣжности.

Жизнь матери-японки полна преданности къ своимъ дѣтямъ; она—добровольная раба ихъ. Ея дни проводятся въ заботѣ о нихъ, вечера — въ бдѣніи надъ ихъ постелями, и, повторяемъ, она не щадитъ ни времени, ни трудовъ для доставленія имъ всего, что требуется для ихъ удобства и удовольствія. Въ болѣзни *, въ здоровьѣ, днемъ и ночью малютки по-

* Со времени введенія пріемовъ иностранной медицины японцы такъ живо чувствуютъ недостатокъ удобствъ и вообще

глощаютъ ея мысли; и отъ дома знатнаго японца до скромной хижины крестьянина эта нѣжная материнская любовь можетъ наблюдаться вездѣ, во всѣхъ ея различныхъ фазахъ. Японка имѣетъ такъ мало близкихъ существъ, на которыхъ можетъ расточать свою любовь, такъ мало для кого жить, кромѣ какъ для своихъ дѣтей, и—никакихъ надеждъ въ будущемъ иначе, какъ основанныхъ на ихъ благополучіи, что не удивительно, если она посвящаетъ свою жизнь заботамъ о нихъ и служенію имъ, считая тотъ трудъ, который обычай возлагаетъ на нее для нихъ, самой легкой изъ всѣхъ своихъ обязанностей. Даже при многочисленной прислугѣ японка дѣлаетъ для своихъ дѣтей почти все то, что часто поручается нянькамъ въ нашей странѣ. Мать и младенецъ рѣдко разлучаются другъ съ другомъ и днемъ, и ночью въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ жизни его, и мать отказывается выходить къ гостямъ и отлучаться изъ дому, когда ребенокъ не можетъ сопровождать ее. Передать мужу какую либо долю заботъ о нянченнѣ ребенка было бы для японки неслыханнымъ и постыднымъ дѣломъ, такъ какъ, по мнѣнію японцевъ, забота о ребенкѣ подлежить только матери, и никто не подумаетъ о томъ, чтобы отецъ могъ, напримѣръ, понаняться съ нимъ всю ночь во время его болѣзни или вообще ухаживать за нимъ какимъ либо образомъ. Ничто для изучающаго жизнь въ Японіи не кажется болѣе прекраснымъ и заслуживающимъ восхищенія, какъ вліяніе матери на своихъ дѣтей,—вліяніе изящное и всепроникающее, вызывающее нѣжнѣйшія и благород-

необходимой обстановки для леченія больного въ своихъ домахъ, что въ случаяхъ тяжкой и даже только серьезной болѣзни посылаютъ больныхъ въ госпитали, гдѣ они могутъ найти такія удобства, которыхъ не могутъ доставить даже богатые японскіе дома.

нѣйшія проявленія женской натуры и составляющее ни съ чѣмъ несравнимый по полнотѣ элементъ духовной жизни японки. Жребій бездѣтной жены въ Японіи грустенъ. Не только она лишена надеждъ и удовольствій матери, но и является предметомъ нѣсколько презрительнаго сожалѣнія со стороны друзей своихъ и хорошо знаетъ, что законъ Конфуція оправдываетъ мужа, разводящагося съ бездѣтною женой. Всѣ точно чувствуютъ, что черезъ нее, хотя она въ томъ и не виновна намѣренно, родъ прекращается; что ея долгъ не исполненъ, и что, хотя имя мужа можетъ быть дано усыновленнымъ наслѣдникамъ, никто изъ нихъ не будетъ наслѣдникомъ по крови. Мужчина рѣдко разводится съ женой единственно по такой причинѣ, но всетаки дѣти являются сильнѣйшими изъ узъ, которыя связываютъ отца и мать ихъ, и бездѣтная жена съ гораздо меньшей увѣренностью можетъ рассчитывать на то, что угодить своему мужу. Во многихъ случаяхъ она старается возмѣститъ свою вину заботой объ усыновленныхъ дѣтяхъ; въ нихъ она часто находитъ любовь, которая наполняетъ пустоту въ ея сердцѣ и въ домѣ, и получаетъ отъ нихъ на закатѣ дней уваженіе и попеченіе — вѣнецъ старости.

Мы говорили до сихъ поръ о бракахъ, при которыхъ жена принимается въ домъ мужа. Другимъ интереснымъ случаемъ японскаго брака является тотъ, при которомъ мужъ входитъ въ семью родныхъ жены своей, принимая ея имя и дѣлаясь всецѣло однимъ изъ членовъ этой семьи, подобно тому какъ въ обычныхъ случаяхъ жена дѣлается членомъ семьи родныхъ мужа. Когда въ какомъ либо семействѣ есть дочери, но нѣтъ сыновей для продолженія рода, то можетъ случиться одно изъ трехъ: какой-либо ребе-

нокъ мужского пола усыновляется главою этой семьи и растеть уже, какъ наслѣдникъ; или мальчикъ принимается въ семью съ цѣлью сдѣлать его въ послѣдствіи мужемъ одной изъ дочерей; или наконецъ, когда старшая изъ дочерей приходитъ въ надлежащій для замужества возрастъ, ея семья и друзья ея ищутъ для нея іоши, т. е. какого либо мужчину (обыкновенно младшаго сына въ семьѣ), который желаетъ, и признанъ достойнымъ, жениться на упомянутой дѣвушкѣ, сдѣлаться членомъ семьи ея и унаслѣдовать имя ея отца. Въ такомъ случаѣ онъ порываетъ всѣ связи со своею собственною семьей, и молодая пара поселяется у родителей его жены. Тогда жребій мѣняется, и теперь уже молодой мужъ долженъ „бояться“ своей тещи, а не жена—свекрови; теперь чередъ мужчины—стараться угодить своимъ новымъ родственникамъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлаться имъ пріятнымъ... И если онъ не успѣетъ въ этомъ, то всемогущіе родители жены могутъ даже развести его съ нею и выгнать изъ дому—случаи несовсѣмъ рѣдкіе. Конечно, въ такихъ бракахъ жена имѣетъ большее вліяніе, и мужъ долженъ помнить, чѣмъ онъ обязанъ ей; и хотя жена уступаетъ ему послушно и оказываетъ ему во всемъ почетъ, ея послушаніе не можетъ требоваться имъ, какъ при другихъ обстоятельствахъ. Въ разсматриваемыхъ бракахъ дѣти принадлежать семейству, имя главы котораго они носятъ, такъ что въ случаѣ развода они остаются съ матерью, если только не состоялось какого либо добровольнаго соглашенія въ другомъ направленіи.

Могутъ спросить, ради чего же молодые люди соглашаются входить въ чужую семью въ качествѣ іоши? На это одинъ отвѣтъ—ради заманчивости богатства и общественнаго положенія, и весьма рѣдко

ради привлекательности самой невесты. Въ домахъ богатыхъ даніевъ, не имѣющихъ сыновей, іюши были прежде весьма обычны, такъ какъ младшіе сыновья въ дворянскихъ семьяхъ, даже и родовитыхъ фамилій, не имѣя иныхъ надеждъ на будущее, часто были рады прибѣгнуть къ этому средству сдѣлаться знатными особами. Въ феодальныя времена число фамилій самураевъ было ограничено. Сыновья одной фамиліи не могли учреждать самостоятельныя вѣтви рода самураевъ, но всѣ, за исключеніемъ старшаго сына, если только выдѣлялись въ отдѣльное хозяйство, должны были приписываться къ низшимъ сословіямъ.

Такимъ образомъ младшіе сыновья часто принимались въ качествѣ іюши въ другія семейства самураевъ, если послѣднія желали обезпечить продолженіе своего рода, который въ противномъ случаѣ прекратился бы. Со времени революціи и устраненія сословныхъ различій старой эпохи, молодые люди болѣе заботятся о независимости, чѣмъ о сохраненіи и приобрѣтеніи званія самураевъ; и теперь очень трудно найти молодого человѣка, который пожелалъ бы войти въ семейство самурая въ качествѣ іюши, если только къ этому не побуждаетъ его красота и привлекательность какой нибудь юной самурайки. Многія молодыя дѣвушки, которыя легко могли бы сдѣлать хорошую партію, еслибы нравящіеся имъ женихи согласны были войти въ ихъ семейства, должны теперь довольствоваться менѣе привлекательными для нихъ іюши, потому что въ настоящее время немногіе японцы захотятъ переимѣнить свое имя, потерять свою независимость и принять на себя бремя заботъ о тестѣ и тещѣ, — такъ какъ и это послѣднее возлагается на іюши, за исключеніемъ случаевъ, когда семья, въ которую онъ входитъ, богата.

Изъ обычая іюши и обязательствъ его по отноше- нію къ женѣ и тещѣ мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ японскія женщины трактуются, какъ суще- ства, равныя мужчинамъ. Не полъ ихъ причиной того, что на нихъ смотрятъ свысока и держать ихъ въ под- чиненіи, а то обстоятельство, что почти во всемъ онѣ имѣютъ зависимое отъ мужчины положеніе. Мужчины имѣютъ право наслѣдованія, образованія, привычку къ самодѣятельности и являются зарабатывателями хлѣба, а, слѣдовательно, и кормильцами. Но какъ только роли мѣняются, и мужчины дѣлаются зависимыми отъ жен- щинъ, — даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины только независимы отъ мужчинъ, — мы находимъ огромную перемѣну во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Женщины въ Японіи должны научиться какому нибудь дѣлу, выходящему за предѣлы круга ихъ домашнихъ обязанностей, для того, чтобы положеніе ихъ не было вполне зависимымъ отъ отца, мужа или сына. Если- бы отцы дѣлили свои состоянія между сыновьями и дочерьми поровну, и женщинамъ давалось право по закону владѣть имуществомъ подъ собственными своими именами, то это было бы большимъ шагомъ впередъ на пути обезпеченія ихъ положенія въ ка- чествѣ женъ и матерей; и разводъ—большое зло въ современной японской жизни — сдѣлался бы просто лишь крайнимъ и послѣднимъ средствомъ сохраненія чистоты и спокойствія въ семьѣ, какъ это наблю- дается теперь въ цивилизованныхъ странахъ.

Разница между женщинами низшаго и высшаго классовъ въ вопросѣ равенства съ мужчинами уже и теперь весьма замѣтна. Жена крестьянина или купца гораздо ближе къ равенству со своимъ мужемъ, чѣмъ жена императора. Повидимому, каждый шагъ вверхъ по общественной лѣстницѣ возводитъ мужчину немного

выше, чѣмъ женщину, и такимъ образомъ возвышаетъ мужа надъ своею женою. Крестьянинъ и его жена работаютъ рука объ руку въ полѣ, ѣдятъ вмѣстѣ въ той же комнатѣ и въ то же время, и, что бы ни случилось, болѣе сильный изъ нихъ управляетъ домомъ. Между ними нѣтъ большой пропасти, и отношеніе мужа къ своей женѣ въ простонародной средѣ и въ Японіи часто не отличается отъ того, которое можно видѣть въ нашей странѣ. Я помню случай, когда курумаія, нанятый однимъ моимъ другомъ въ Токио, подверглся насмѣшкамъ друзей, потому что въ свободное отъ своихъ обязанностей время носилъ воду, необходимую въ его маленькомъ хозяйствѣ, и вообще исполнялъ по послѣднему всѣ тяжелыя работы, стараясь беречь силы своей жены—малорослой и деликатнаго сложенія женщины. Случай такой преданности, безъ сомнѣнія, рѣдки; но то, что они всетаки бываютъ, показываетъ, что и здѣсь есть признаніе того, что, повидимому, обязательно въ дѣлѣ отношенія мужчины, какъ существа болѣе сильнаго физически, къ женщинѣ, какъ къ существу болѣе слабому.

Въ Токио часто можно видѣть утромъ телѣжку, тяжело нагруженную дровами, углемъ или какими либо сельскими продуктами, медленно везомую по улицамъ фермеромъ и его семьею. Иногда въ такую группу входятъ старушка, ея сынъ и жена его съ ребенкомъ за спиной, и всѣ они толкаютъ или тащатъ свою подвижную лавочку изо всѣхъ силъ; при этомъ женщина, въ короткой рубашкѣ и узкихъ синихъ брюкахъ, съ синимъ же платкомъ на головѣ, отличается отъ мужчины единственно только меньшимъ ростомъ и ребенкомъ за спиной. Но когда наступаетъ вечеръ, и товаръ распроданъ, то женщины и дѣти садятся въ телѣжку, а мужчины тащутъ послѣднюю домой въ

пригородную деревню. Здѣсь опять мы видимъ указаніе на истинное происхожденіе закона; который управляетъ положеніемъ женщины въ этой странѣ,—закона, основаннаго не на признаніи ея существомъ низшимъ, а существомъ только меньшей силы. Зрѣлище подобной группы, возвращающейся ночью домой, поражаетъ изслѣдователя сельскаго семейнаго быта японцевъ, какъ свидѣтельство о томъ, что послѣдній, въ дѣлѣ взаимныхъ отношеній между мужьями и женами, весьма близокъ къ тому, какой установился въ нашей цивилизаціи.

Въ деревняхъ и селахъ, гдѣ женщины принимаютъ широкое участіе въ трудѣ, прямо ведущемъ къ заработку, гдѣ онѣ не только работаютъ на рисовыхъ поляхъ, собираютъ чай, жнутъ хлѣбъ и возятъ его на рынокъ, но гдѣ онѣ также занимаются и своими собственными доходными промыслами, въ родѣ разведенія шелковичныхъ червей, пряжи, тканья шелковыхъ и бумажныхъ матерій, мы находимъ, что условное разстояніе между полями сильно уменьшено серьезнымъ значеніемъ женскаго труда; но въ городахъ и среди классовъ, которые, говоря вообще, являются или ко-свенными производителями продуктовъ потребленія, или даже совсѣмъ не являются таковыми, единственный трудъ женщины—домохозяйство, и то не самостоятельное, а тѣмъ въ большей степени возлагаемое на прислугу, чѣмъ семья богаче. Можетъ быть, по этой причинѣ пропасть, раздѣляющая мужчину и женщину, расширяется по мѣрѣ того, какъ семья поднимается вверхъ по общественной лѣстницѣ, подобно тому какъ расширяется пропасть между данными классами населенія въ городѣ сравнительно съ тою, какой она наблюдается въ деревнѣ.

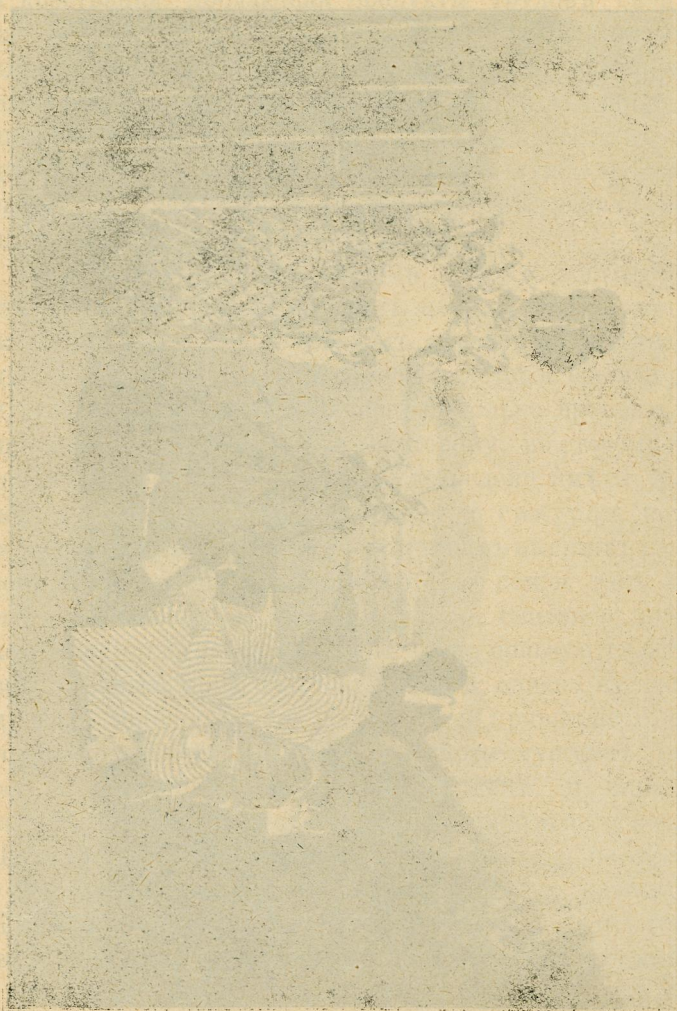
Жена крестьянина, хотя она, можетъ быть, рабо-

таетъ больше и старѣетъ раньше, чѣмъ ея городская сестра, болѣе свободна и независима, чѣмъ послѣдняя, и крестьянка, продающая продукты трудовъ своихъ на рынкѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ счастливѣе и имѣетъ больше значенія, чѣмъ жена дворянина, которая должна проводить жизнь среди своихъ прислужницъ, въ уединеніи большого дома съ красивымъ садомъ, въ качествѣ забавы для своего мужа въ часы его отдыха, но никогда не въ качествѣ равной ему или участницы его заботъ и думъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, какъ о способствующемъ пониженію положенія женщины высшихъ и богатыхъ классовъ общества, а именно—о системѣ наложничества, которое обычай допускаетъ, и законъ, до недавняго только времени, не порицалъ. Отъ императора,—которому, по старому китайскому моральному кодексу, дозволено имѣть двѣнадцать дополнительныхъ женъ,—до самурая, которому дозволены двѣ жены,—мужчинамъ высшихъ классовъ позволительно вводить въ свои семьи такъ называемыхъ мекаке, которыя, хотя и считаются, по положенію, ниже законной жены, часто пользуются болѣею любовью, чѣмъ она. Надо сказать, однако, къ чести многихъ японцевъ, что вопреки этой привиллегіи, которую дозволяетъ обычай, есть много мужчинъ старой школы, которые вѣрны одной женѣ, и никогда не вводятъ въ домъ свой такого элемента несогласія. Даже если у него и есть мекаке, то жена не знаетъ о ней, и онъ помѣщаетъ ее въ отдѣльную квартиру. И вопреки моральному кодексу, требующему отъ женщины подчиненія мужу во всякомъ случаѣ, есть много самураекъ и даже женщинъ низшихъ классовъ, которыя имѣютъ достаточно ума и мужества, чтобы воспрепятствовать своимъ мужьямъ вводить подъ кровъ

Дюнки въ саду.

семьи соперниц законнымъ женамъ. Въ этомъ отношеніи практика оказалась лучше, чѣмъ теорія.

Не такъ выгодно складываются обстоятельства для болѣе безпомощной жены дворянина, потому что для ея мужа богатство и праздность усиливаютъ искушеніе. Она безропотно подчиняется обычаю, требующему, чтобы жена обращалась со своими соперницами со всею вѣжливостью и даже обходилась съ ихъ дѣтьми, какъ со своими собственными.

Жребій самой мекаке долженъ считаться незавиднымъ, съ американской точки зрѣнія, въ виду того факта, что еслибы отецъ ея ребенка рѣшился сдѣлать его, путемъ легальнаго усыновленія, своимъ на слѣдникомъ, то она съ этого момента имѣетъ для своего сына не большее значеніе, чѣмъ любая изъ прислужницъ въ домѣ. Въ такомъ случаѣ ребенокъ, сейчасъ же послѣ рожденія, или какъ только это возможно, отнимается отъ матери и отдается въ другія руки, а она никогда даже не видитъ его, за исключеніемъ тридцатаго дня его жизни, когда допускается вмѣстѣ съ другими слугами „на поклонъ къ молодому барину“. Еслибы не безусловное повиновеніе родителямъ, которое въ Японіи обычай возвелъ на степень одной изъ женскихъ добродѣтелей, то тамъ, по крайней мѣрѣ въ почтенныхъ семьяхъ, нашлось бы немного женщинъ, согласныхъ принять на себя роль, столь лишенную чести и какого либо самоудовлетворенія, какъ роль мекаке... И къ чести японскихъ женщинъ надо сказать, что такого положенія обыкновенно не ищутъ онѣ. Дворянинъ можетъ найти самураекъ въ качествѣ „О мекаке“ (буквально: „почетная наложница“), но въ своемъ классѣ онѣ не будутъ пользоваться уваженіемъ за принятіе на себя такой роли. Въ свою очередь самурай можетъ найти ме-

каке только изъ класса гёймѣнъ или простонародья. Ни одна женщина, имѣющая какой либо шансъ на лучший жребій, не согласится добровольно на незавидное положеніе мекаке.

Законъ, обнародованный недавно, имѣетъ намѣреніе вырвать съ корнемъ это зло и, если будетъ настойчиво проводиться, съ теченіемъ времени искоренить его. Отнынѣ въ Японіи ни одинъ ребенокъ отъ наложницы, или вообще усыновленный какимъ либо образомъ, не можетъ наследовать благороднаго титула. Наслѣдникъ трона долженъ быть поѣтому сыномъ не только императора, но и императрицы, — иначе право престолонаслѣдія переходитъ къ другой вѣтви фамиліи. Этотъ законъ не относится къ принцу Гару, теперешнему наслѣднику трона, такъ какъ, хотя онъ и не сынъ императрицы, но легально усыновленъ императоромъ до обнародованія закона; въ случаѣ же его смерти, законъ считался бы обязательнымъ по отношенію къ будущимъ наслѣдникамъ.

Что общественное мнѣніе уже на правильномъ пути, это доказыается фактомъ, что молодые люди высшихъ классовъ населенія неохотно женятся на дочеряхъ мекаке, хотя бы даже онѣ были удочерены своими отцами. Разъ дѣвушки, рожденныя отъ такихъ союзовъ, дѣлаются бракомъ среди невѣстъ, а мальчики лишены права наслѣдства, то мекаке выйдутъ изъ моды. Законная жена будетъ ближе къ пріобрѣтенію подобающаго ей значенія въ семьѣ*.

* Въ связи съ этимъ умѣстно упомянуть о стараніяхъ женскаго христіанскаго союза трезвости въ Японіи обратить вниманіе общества на этотъ обычай и пробудить общественное мнѣніе въ пользу законодательства, направленнаго не только противъ этой системы, но и противъ узаконенныхъ домовъ проституціи. Хотя въ этомъ послѣднемъ направленіи практическіе ре-

11-го февраля 1889 года, въ день, когда императоръ, актомъ дарованія народу конституціи, ограничилъ свою собственную власть ради поднятія его на уровеньъ народовъ самыхъ цивилизованныхъ странъ на землѣ, онъ въ то же время, и въ первый разъ, публично „поднялъ императрицу до себя“. Въ императорской процессіи по улицамъ Токио императоръ и императрица, впервые въ исторіи Японіи, сидѣли вмѣстѣ въ императорской колесницѣ ²⁰. До того времени императоръ, сопровождаемый старшими чинами своей свиты и гвардіи, всегда слѣдовалъ во главѣ процессіи, тогда какъ императрица должна была слѣдовать на нѣкоторомъ разстояніи отъ него со своими приближенными. Мы не можемъ не надѣяться, что этотъ актъ со стороны императора обозначаетъ начало новой и лучшей эры для женщинъ Японіи; потому что до тѣхъ поръ, пока положеніе жены и матери въ Японіи не улучшится и не обезпечится, мало устойчивости можно ожидать на пути прогресса націи къ высшимъ и лучшимъ идеаламъ западной цивилизаціи. Лучшіе законы, болѣе широкое образованіе женщинъ, перемѣна въ общественномъ мнѣніи по этому предмету, являющаяся слѣдствіемъ изученія людьми, воспитанными заграницей, семейной жизни въ Европѣ и Америкѣ,—таковы силы, которыя однѣ только могутъ поставить женщинъ въ Японіи на ту высоту въ семьѣ, на которой онѣ способны удержаться по своимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ качествамъ. Что Японія безконечно впереди другихъ восточныхъ странъ въ этомъ вопросѣ, этого нельзя не признать къ ве-

зультаты еще не достигнуты, но возбужденные обществомъ вопросы вызвали большіе дебаты въ газетахъ, журналахъ, въ публичныхъ лекціяхъ и т. п., и все вырастающее сознаніе этого зла, вѣроятно, не замедлитъ привести къ радикальнымъ перемѣнамъ.

ликой ея чести; но что она далеко позади цивилизованных націй Европы и Америки, не только на практикѣ, но и въ теоріи, это—фактъ неоспоримый, и притомъ такой, что если онъ останется неизмѣннымъ, то долженъ будетъ, раньше или позже, стать камнемъ преткновенія на пути прогресса страны къ высшей цивилизації, къ которой она такъ способна *. Европейская практика не можетъ быть привита къ японской теоріи, но перемѣна порядка вещей въ семьѣ для обезпеченія устойчивыхъ добрыхъ результатовъ должна быть радикальной. До тѣхъ поръ, пока жена не имѣетъ правъ, которыя мужъ долженъ уважать, не можетъ быть достигнута какой либо прогрессъ, потому что натура человѣка, говоря вообще, слишкомъ посредственна и себялюбива для того, чтобы отдать должное во всѣхъ случаяхъ тѣмъ, которые совершенно не пользуются покровительствомъ закона и со-

* Многіе изъ мыслящихъ людей въ Японіи, хотя и вполне признавая несправедливость настоящаго положенія женщины въ обществѣ и необходимость реформъ въ законахъ о бракѣ и разводѣ, отказываются видѣть настоятельность какого либо движенія въ этомъ направленіи. Оправданіе такому образу мыслей они находятъ въ томъ, что хотя безграничная власть въ рукахъ мужа надъ женой можетъ вести къ злоупотребленіямъ, но что въ дѣйствительности ихъ нѣтъ. Несправедливости и обиды рѣдки, утверждаютъ они, и наоборотъ—ласковое обращеніе съ женой, преданность ей и даже почтеніе къ ней являются общимъ правиломъ; сохраненіе власти въ рукахъ мужа лучше, чѣмъ слишкомъ большая свобода для женщинъ, не получившихъ образованія. Такіе люди желаютъ отсрочки реформъ до тѣхъ поръ, пока всѣ женщины не будутъ образованы. Въ то же время многіе консерваторы возражаютъ даже и противъ новой системы воспитанія дѣвушекъ, находя, что она дѣлаетъ ихъ неженственными. Между такими двумя партіями тѣ немногіе, которые дѣйствительно желаютъ скорыхъ и радикальныхъ перемѣнъ, не въ силахъ дѣйствовать вполне успѣшно.

вершенно неспособны защищаться сами. Въ старыя времена рабства на югѣ Америки многіе изъ негровъ получали лучшую пищу и пользовались большими заботами и, наконецъ, были счастливѣе, чѣмъ теперь; но они, несмотря на то, были во власти произвола людей, слишкомъ часто думавшихъ только о самихъ себѣ, а не о человѣческихъ тѣлахъ и душахъ, надъ которыми имѣли неограниченную власть. Это было положеніе дѣлъ, которому нельзя было помѣшать воспитаніемъ хозяевъ въ направленіи побужденія ихъ быть добрыми къ своимъ рабамъ: это было положеніе вещей, невѣрное въ теоріи и потому не поддающееся исправленію на практикѣ. Совершенно такимъ же образомъ, положеніе японской женщины невѣрно въ теоріи и никогда не можетъ быть исправлено, пока законодательство не обезпечитъ за нею правъ, которыхъ она лишена. Образованіе только утяжелитъ муки до невыносимыхъ предѣловъ. Дарованіе женѣ права получить разводъ не поможетъ много, но только ослабитъ еще болѣе брачныя узы. Ничто не можетъ помочь надежно и устойчиво въ вопросѣ о положеніи женщины, кромѣ роста здраваго общественнаго мнѣнія, которое раньше или позже окажетъ свое вліяніе на законы страны. А когда законодательство будетъ рacionalesно, все остальное придетъ, и жена, обезпеченная въ своемъ домѣ и въ правахъ на дѣтей своихъ, займетъ положеніе, при которомъ новая система образованія будетъ полезна ей и въ управленіи домашними дѣлами, и въ дѣлѣ обученія дѣтей, и она сдѣлается наконецъ другомъ и товарищемъ своего мужа, вмѣсто того чтобы быть только его служанкой, портнихой и ключницей, — забавой его въ часы отдыха и слишкомъ часто жертвой его капризовъ.

ГЛАВА V

Старость

Японка не только не стыдится показать, что достигла уже зрѣлыхъ лѣтъ, но, напротивъ, заботится о томъ, чтобы каждая деталь въ ея костюмѣ и прическѣ показала, что она уже вошла въ года. Дѣвочка одѣвается въ яркіе цвѣта, въ платья самаго широкаго покроя, и похожа на веселаго мотылька или на тропическую птичку. По мѣрѣ того, какъ она дѣлается старше, цвѣта костюма ея дѣлаются солиднѣе, платья—уже, складки на нихъ—меньше, и, достигнувъ стараго возраста, она дѣлается похожею на сѣрую ночную бабочку или на скромнаго воробья. „Искушенный“ глазъ опредѣлитъ возрастъ женщины со значительной точностью по различнымъ мелочамъ ея костюма *, и ни одна женщина не позаботится казаться моложе своего дѣйствительнаго возраста и не замедлитъ сказать съ

* Дѣти носятъ волосы на маковкахъ головъ, и способъ подбиранія ихъ отличается у маленькихъ дѣтей отъ прически дѣтей болѣе поздняго возраста. *Марумаджъ*—прическа замужнихъ дамъ, состоящая изъ большого пуфа волосъ на головномъ темени, уменьшается по размѣрамъ съ увеличеніемъ возраста дамы, а у шестидесяти- или семидесятилѣтнихъ старухъ достигаетъ лишь нѣсколькихъ дюймовъ въ ширину. Число, размѣры и разнообразіе головныхъ булавокъ для украшенія и черепаховыхъ гребней, носимыхъ женщинами спереди, также мѣняются съ возрастомъ послѣднихъ.

полной откровенностью число лѣтъ, пронесшихся надъ ея головой.

Причина этому лежить, по крайней мѣрѣ отчасти, въ фактѣ, что каждая японка смотритъ на грядущую старость, какъ на время, когда она освободится отъ своей долготѣтней службы въ угоду окружающимъ, — пріобрѣтетъ положеніе совѣтчицы своихъ сыновей и „госпожи“ надъ своими невѣстками, сдѣлается высокопочитаемой особой въ семействѣ, получить право доставлять себѣ удовольствія различнымъ образомъ, выражать свои собственныя мнѣнія о большинствѣ предметовъ и будетъ окружена заботами и предупредительностью дѣтей и внуковъ, въ возмездіе за долгіе годы ея вѣрной службы въ домохозяйствѣ на пользу всѣмъ имъ. Если ея зрѣніе и другія тѣлесныя силы сохранились, то, безъ сомнѣнія, она не откажется отъ многихъ нетрудныхъ работъ для общаго блага семьи и рѣдко будетъ сидѣть праздною; напротивъ, она будетъ помогать и въ шитьѣ, и въ починкѣ костюмовъ, въ совершеніи покупокъ по хозяйству, въ домашнихъ работахъ и въ няньченѣ дѣтей; будетъ рассказывать своимъ внукамъ, послѣ того какъ они окончили уроки, разныя сказки; обратитъ свою опытность на помощь молодымъ людямъ, которые еще страдаютъ отъ огня страстей молодости; будетъ ограждать ихъ отъ золь своими молитвами и посѣщеніями храма въ установленное обычаемъ время, испрашивая въ немъ милость боговъ для всего семейства, а также и готовясь къ вступленію въ великій невѣдомый міръ, къ дверямъ котораго она такъ быстро подходитъ. Удивительно ли, что молодая жена, съ трудомъ направляющая свой путь между многими отмелями и водоворотами замужней жизни, смотритъ впередъ съ нетерпѣніемъ на періодъ сравнительнаго отдыха и покоя, къ которому

приходить въ концѣ своего житейскаго странствованія? Когда она терпитъ и переноситъ все, много страдаетъ, оставаясь доброй и ласковой; когда она прислуживаетъ своей свекрови, ведетъ хозяйство своего мужа, лелѣетъ его дѣтей, и т. д., и т. д.,—мысль, которая радуетъ и ободряетъ ее въ ея трудной и неслишкомъ счастливой жизни, есть мысль о ясной тишинѣ старости, когда она будетъ въ состояніи сложить бремя заботъ своихъ на болѣе молодыя плечи и согрѣваться въ теплѣ и свѣтѣ, которые это индійское лѣто ея жизни принесетъ ей.

Въ кодексѣ морали японцевъ послушаніе отцу, мужу или сыну считается главною женскою добродѣтелью; но и послушаніе и почтеніе къ родителямъ со стороны дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, также играетъ выдающуюся роль въ этической системѣ этого народа. Такимъ образомъ, въ разсматриваемой поздней порѣ жизни женщины, послушаніе, отъ нея требуемое, часто только номинальное, и во всякомъ случаѣ не такое абсолютное и безотвѣтное, какое требовалось отъ нея въ молодые годы; и почетъ, и уваженіе, которые сынъ обязанъ оказывать своей матери, влекутъ за собою необходимость заботиться объ ея удобствахъ и сообразоваться съ ея желаніями, что дѣлаетъ ея положеніе значительно болѣе свободнымъ, чѣмъ то, которымъ пользуется женщина болѣе молодая. Достигнувъ почтеннаго возраста, женщина не обязана постоянно сидѣть дома, можетъ выходить на улицы, въ театръ или на другія зрѣлища, безъ малѣйшаго стѣсненія и безъ опасенія потерять свое достоинство.

Японка теряетъ свою красоту рано. Въ тридцать пять лѣтъ свѣжій цвѣтъ лица ея обыкновенно совершенно пропадаетъ, глаза начинаютъ углубляться по-немногу въ свои впадины; ея юношеская полная и

симметричная фигурка уступает мѣсто худобѣ и плоскости бюста; ея обильные черные волосы рѣдѣютъ, и на лицѣ рѣзко появляется патетическій отпечатокъ молчаливаго страданія — слѣдствіе бремени перенесенныхъ ею заботъ и тревогъ. Рѣдко можно видѣть у престарѣлыхъ японокъ такое лицо, которое свидѣтельствовало бы о сварливомъ темпераментѣ и раздражительности; но всегда почти видишь, что черты, отпечатывающіяся на лицѣ съ годами, указываютъ на терпѣливо и кротко воспринимавшіяся страданія и тревоги. Губы никогда не забываютъ улыбаться, голосъ попрежнему звучить весело и привѣтливо; никогда не переходя въ брюзгливый и угнетенный тонъ, какъ это часто случается у нашихъ женщинъ, переутомленныхъ трудомъ и заботами. Но молодость, съ ея полнымъ надеждъ кругозоромъ, съ ея планами и претензіями, уступаетъ мѣсто старости съ его мирнымъ ожиданіемъ конца, только послѣ весьма короткой борьбы; и женщина въ тридцать пять лѣтъ стоитъ уже на порогѣ, съ котораго должна сказать своей молодости невозвратное „прости“, и, имѣя мало надеждъ на что либо въ среднемъ возрастѣ, совершаетъ свое дѣло покорно, вѣрная своему долгу и смотря впередъ на старость, какъ на несущую съ собою авторитетъ положенія хозяйки въ семьѣ сына и настоящей правительницы маленькихъ домашнихъ владѣній.

Я говорила до сихъ поръ только о тѣхъ счастливыхъ женщинахъ, сыновья которыхъ дожили до зрѣлаго возраста, и которыя сумѣли избѣжать опасныхъ рифовъ развода, столь пагубныхъ для многихъ челоноковъ житейскаго моря. Но что дѣлается съ сотнями тѣхъ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, наполнявшихъ ихъ жизнь и готовыхъ успокоить ихъ старость, и которымъ поэтому въ преклонномъ возрастѣ приходится

жить въ зависимости отъ своихъ братьевъ или племянниковъ? Даже и такія женщины, ведущія у насъ, въ Америкѣ, часто тяжелую и неблагодарную трудовую жизнь среди своихъ болѣе счастливыхъ родственниковъ, въ Японіи находятъ въ старости болѣе пріятный жребій; чѣмъ въ юности. Мнѣ приходилось встрѣчаться тамъ со многими старушками, которыхъ остриженные волосы, или даже совсѣмъ бритыя головы, свидѣтельствуютъ о томъ, что горе вдовства отняло отъ нихъ радости, выпавшія на долю другихъ женщинъ; но въ то же время морщинистыя, но веселыя лица и дѣтская счастливая безмятежность оставляють въ васъ чувство удовольствія, что горе прошло, и миръ и покой снизошли на ихъ преклонныя годы. Исполняя только тѣ домашнія работы, которыя для нихъ не тяжелы, уважаемый членъ семейнаго кружка, О-Ба-Санъ, или тетка, пользуется не меньшимъ почетомъ и преданностью со стороны дѣтей, чѣмъ О-Баа-Санъ, или бабушка, но обѣ одинаково находятъ мирный кровъ въ домахъ дорогихъ и близкихъ ихъ сердцу.

Одна изъ самыхъ счастливыхъ старушекъ, которую я когда либо встрѣчала, провела суровую и тревожную жизнь. Мать многихъ дѣтей, большинство которыхъ умерло въ младенчествѣ, она осталась въ концѣ концовъ бездѣтной и вдовой. Со смертію ея дѣтей порвалась послѣдняя связь ея съ семьею мужа; и, не желая быть въ тягость послѣдней, она провела много лѣтъ въ многочисленной семьѣ своего младшаго брата, дѣля съ его женою бремя заботъ о ребятихъ. Всѣ они, отъ старшаго до младшаго, научились любить старую тетю, которая убаюкивала ихъ на спинѣ своей, и приходили къ ней за утѣшеніемъ въ своихъ дѣтскихъ печаляхъ, когда мать была слишкомъ занята. Много ласки расточала она, много лакомствъ

и игрушекъ неожиданно вытаскивала она изъ тайнственныхъ шкапиковъ для услажденія своихъ племянниковъ. Это было много лѣтъ назадъ, и трудныя времена старой тети теперь кончились. Бодрая и жизнерадостная въ свои семьдесятъ лѣтъ, она видѣла этихъ дѣтей выросшими на ея глазахъ одинъ за другимъ, пока нѣкоторыя не образовали уже самостоятельныя семьи. Ея согбенная фигура и морщинистое лицо всегда пріятны для ея дѣтей, — ея, по праву, пріобрѣтенному многими годами терпѣливыхъ заботъ и трудовъ на пользу ихъ. Они теперь, въ свою очередь, рады доставлять ей удовольствія, въ возмездіе за всю ту любовь, которую она расточала имъ. Отраднo видѣть ея дѣтскую гордость и вѣру въ нихъ, и знать, что они наполнили въ ея сердцѣ мѣсто, недолго остававшееся пустымъ послѣ смерти того, вмѣстѣ съ которымъ умерли, какъ она боялась тогда, всѣ ея надежды на земное счастье.

Старыя женщины въ Японіи, — какъ ихъ морщинистыя лица, согбенныя фигуры и сморщенные желтыя руки запечатлѣваются въ памяти! Рѣдко видишь среди нихъ то, что мы называли бы красотою, потому что обыкновенно лицо японки въ старости всегда покрывается многочисленными морщинами и производитъ впечатлѣніе вялаго яблока, причемъ кожа, — которая въ молодости скрашивается румяными щеками и блестящими черными волосами, — когда краски сбѣгаютъ со щекъ, и волосы бѣлѣютъ, принимаетъ до смѣшного желтый пергаментный видъ. Но, при всей морщинистости и некрасивости лицъ, старуха въ Японіи имѣетъ какую-то особенную привлекательность.

Въ Токио, когда вырастаетъ длинная трава на лугу, и вы говорите садовнику о томъ, чтобы онъ позабо-

тился обрѣзать ее, онѣ не приглашаетъ ни мальчу-
гановъ съ патентованными серпами, ни косарей съ
косами, но взамѣнъ этого на слѣдующее утро вы
увидите, что вашъ лугъ покрытъ старушками. Хорошо
вымытые бумажные костюмы ихъ выцвѣли до свѣтло-
синяго цвѣта, также какъ и платки, защищающіе
ихъ головы отъ солнца... Ползая на колѣняхъ и на
рукахъ, вооруженныя каждая огромной парой ножницъ,
старушки, неустанно работая, болтаютъ весело цѣлый
день, пока лугъ, послѣ ихъ заботливыхъ трудовъ, не
сдѣлается гладкимъ, какъ бархатъ. Правда, онѣ отды-
хаютъ иногда подъ деревомъ, затягиваясь изъ своихъ
трубокъ и глотая чай, и тогда предаются празднымъ
разговорамъ и мелкимъ сплетнямъ; но въ общемъ
работа, хотя идетъ медленно и не безъ заботы объ
удобствахъ самихъ работницъ, дѣлается хорошо и,
конечно, оканчивается такъ быстро, какъ только мо-
жетъ ожидать самый требовательный хозяинъ отъ ра-
бочихъ, получающихъ отъ 8 до 12 сенъ въ день.
Другой трудъ, поручаемый обыкновенно такимъ же
работницамъ, это—очистка отъ мха и травы щелей
большихъ стѣнъ, которыя окружаютъ рвы и насыпи
столицы. Взорвавшись на маленькія лѣсенки, онѣ
скоблятъ ножами стѣны, безъ всякаго коварнаго на-
мѣренія сдвинуть съ мѣста огромные не цементиро-
ванные камни, до тѣхъ поръ, пока онѣ не сдѣлаются
совсѣмъ чистыми.

Въ противоположность этимъ скромнымъ и весе-
лымъ работницамъ, можно упомянуть здѣсь о другомъ
классѣ женщинъ, часто встрѣчающихся въ большихъ
городахъ. Одѣтыя въ рубища, съ покрытыми голо-
вами и лицами, онѣ странствуютъ по улицамъ, играя
на самисенѣ передъ окнами и напѣвая надтресну-
тыми голосами какую нибудь заунывную мелодію. По

мѣрѣ того, какъ онѣ ходятъ изъ дома въ домъ, получая мизерное подаваніе за свою „чарующую“ музыку, онѣ кажутся воплощеніемъ всего безнадежнаго и разбитаго сердца. Что онѣ такое, откуда пришли онѣ, я не знаю; но онѣ всегда напоминаютъ мнѣ о кузнецикѣ въ баснѣ, который плясалъ и пѣлъ все короткое лѣто для того, чтобы искать потомъ милостыни у болѣе заботливаго сосѣда, когда наконецъ наступила зима.

Въ воспоминаніяхъ моихъ рисуется картина, которую часто можно наблюдать на улицахъ японскихъ городовъ. Центральная фигура ея—маленькая сѣдовласая старушка, медленно передвигающая ноги подъ тяжестью ноши на плечахъ, на которыхъ висятъ двѣ корзины, наполненныя свѣжими овощами. Фактъ, что волосы ея не обрѣзаны, свидѣтельствуетъ, что она все еще жена, а не вдова; а ея изношенный и заплатанный костюмъ изъ синей бумажной матеріи, полинявшей слегка отъ долгаго мытья, показываетъ, что жребій ея жизни — крайняя бѣдность, которая, безъ сомнѣнія, не мѣшаетъ всетаки тому, чтобы домикъ старушки, хотя маленький и, можетъ быть, даже мизерный, былъ чистъ и уютенъ. Мои глаза слѣдуютъ за нею черезъ городскую толпу, гдѣ рабочій, солдатъ, студентъ и сановникъ идутъ каждый своей дорогой; и вотъ я вижу, какъ она останавливается передъ воротами храма; она спускаетъ тамъ на время съ плечъ свою ношу и посреди шумящей толпы, со сложенной головой, сложенными руками и движущимися губами, призываетъ своего бога, отрѣшившись въ этотъ моментъ отъ матеріальныхъ заботъ своей суетной жизни и прося у бога благословенія для себя и для своихъ близкихъ. Толпа движется своею дорогой, образуя нѣчто вродѣ маленькаго водоворота кру-

гомъ положенной ею ноши и не обращая никакого вниманія на благоговѣйную фигуру, стоящую тамъ... Молитва старушки окончена, она тяжело поднимаетъ свои корзины, уравниваетъ ихъ на плечахъ и опять идетъ вмѣстѣ съ толпой „тянуть свою лямку“, пока силы ея не оставятъ, и она не будетъ вынуждена на невольный отдыхъ, награждаемая, я не сомнѣваюсь, ласками дѣтей и внуковъ своихъ.

Мнѣ приходитъ на память и другая картина, воспоминаніе о которой, безъ сомнѣнія, можетъ пріятно взволновать многихъ, имѣющихъ счастье назвать главную фигуру ея матерью. Старуха съ благородною и величественною осанкой, оставшаяся вдовой много лѣтъ назадъ, прежде чѣмъ недавнія перемѣны проложили путь къ дальнѣйшему прогрессу, казалась мнѣ всегда образцомъ матери старой школы. Будучи женщиной классическаго воспитанія, она своимъ примѣромъ и совѣтами постоянно руководила сыновей и дочерей своихъ, сумѣвъ сдѣлаться для нихъ высокимъ авторитетомъ, и въ старости оказалась и почетною главой семейства, даваго извѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ военныхъ и мирныхъ искусствъ, и добрымъ товарищемъ дѣтей своихъ, изъ которыхъ каждый унаслѣдовалъ отъ нея ея энергію и умъ. Хотя и принадлежа къ кружку консерваторовъ и всегда держась старыхъ обычаевъ, она не ставила никакихъ препятствій своимъ дѣтямъ къ активному участію ихъ въ прогрессивномъ движеніи страны, и ея мягкій характеръ, геройскій духъ и безусловная преданность тому, во что она вѣрила, цѣнились дѣтьми ея выше всего на свѣтѣ. Испытавъ войну, осаду, ссылку, опасности и страданія всякаго рода, она въ старости нашла цвѣтуцій покой среди дѣтей, которыми могла вполне гордиться. Сохранивъ физическую

бодрость до самой кончины, наставшей послѣ двухдневной только болѣзни, она переселилась въ невѣдомый міръ, готовая или встрѣтить тамъ опасности, если онѣ были суждены ей, также храбро, какъ встрѣчала ихъ на землѣ, или наслаждаться покоемъ и радостями, также цѣня ихъ, какъ цѣнила ихъ въ старости, протекшей въ домѣ старшаго изъ сыновей.

Мое знакомство съ нею было ограничено тѣмъ, что мы не могли объясняться на понятномъ другъ другу языкѣ, но несмотря на то я имѣла много данныхъ, чтобы восхищаться ею и цѣнить ее; и я считаю большою для себя честью, что при моемъ послѣднемъ свиданіи съ нею, за двѣ недѣли до ея смерти, она дала мнѣ свою морщинистую, но все еще красивую и изящную руку—уступка иностраннымъ обычаямъ, которую она дѣлала только въ исключительныхъ случаяхъ.

Двѣ недѣли спустя, въ одинъ изъ тѣхъ дождей, которые слишкомъ хорошо умѣетъ проливать японское небо, я присутствовала при ея похоронахъ на кладбищѣ въ Аоямѣ. Кладбищенская церковь была полна; но для меня, вслѣдствіе особыхъ узъ, связывавшихъ меня съ этимъ семействомъ, было сохранено мѣсто сейчасъ же позади длиннаго ряда одѣтой въ бѣлое платье траурной процессіи. Покойная исповѣдывала буддійскую религію и была похоронена по буддійскому обряду; пышныя одежды священниковъ и тяжелый запахъ ладана въ воздухѣ напомнили мнѣ римско-католическую церемонію. Бѣлый деревянный гробъ съ прахомъ покойной стоялъ на катафалкѣ при входѣ въ часовню, и когда священники кончили службу, и церковная церемонія вообще закончилась, родственники, поднимаясь одинъ за другимъ къ гробу,

совершали передъ нимъ низкій поклонъ, клали кусочекъ ладана на маленькую кадильницу, которая стояла на столѣ передъ катафалкомъ, и затѣмъ, опять послѣ низкаго поклона, возвращались на свои мѣста. Медленно и торжественно, отъ высокаго офицера, волосы котораго уже подернулись сѣдиной, до двухлѣтняго внука, всѣ заплатили послѣднюю дань почета благородной усопшей; и послѣ родственниковъ, знакомые, въ порядкѣ положенія на общественной лѣстницѣ или близости къ покойной, поднялись къ ея гробу и исполнили ту же самую церемонію. Чтò обозначалъ тотъ или другой обрядъ, было ли это поклоненіе чужому мнѣ богу,—я не знаю; но для меня, когда и я совершала такой же актъ, онъ былъ только отданіемъ послѣдней почести праху той героической женщины, которая достойно исполнила свою роль въ этомъ мірѣ при свѣтѣ факела, зажженного для нея истиннымъ Богомъ.

Японскіе художники любятъ изображать старую женщину съ ласковымъ морщинистымъ лицомъ, не прикрашивая слѣдовъ старости, но умѣя сообщать выраженію лица то обаяніе, которымъ часто характеризуется почтенная старость. Долгой жизни желаютъ всѣ также страстно, какъ желалъ ея древній еврейскій поэтъ и псалмопѣвецъ, и—вполнѣ основательно, потому что только путемъ долгой жизни женщина можетъ пріобрѣсти величайшій почетъ и счастье. Мы часто горюемъ при мысли о слабости и зависимости преклоннаго возраста и молимся, чтобы судьба послала намъ смерть еще во цвѣтѣ нашихъ силъ, прежде чѣмъ истощеніе ихъ долго прожитыми годами сдѣлаетъ насъ бременемъ для нашихъ друзей. Но въ Японіи зависимость есть жребій женщины, и зависимость старости особенно чтится. Престарѣлая мать

никогда не является бременемъ въ семьѣ, и съ нею обращаются все съ величайшей любовью и нѣжностью; и если случается суровое время недостатка пищи или какихъ нибудь удобствъ, то дѣти обыкновенно отказываются отъ своей доли, чтобы безропотно отдать ее престарѣлымъ отцу или матери. Какъ ни много недостатковъ въ общественномъ строѣ Японіи, но благодарность къ родителямъ или непочтеніе къ старикамъ не встрѣчаются тамъ; и молодая Америка могла бы извлечь благодатные для себя уроки изъ изученія условій, которыми обставлены тамъ престарѣлые члены семьи.

Не только для женщинъ въ Японіи, но также и для мужчинъ старость является порою мира и счастья. Когда человѣкъ достигаетъ пятидесятилѣтняго возраста или около того, часто еще въ цвѣтѣ силъ, онъ оставляетъ свое дѣло, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ все имущество и доходъ на попеченіе старшаго сына, на поддержку * котораго затѣмъ всецѣло и рассчитываетъ. Эта поддержка никогда не обременяетъ послѣдняго, потому что попеченіе о родителяхъ со стороны дѣтей также естественно въ Японіи, какъ попеченіе о дѣтяхъ въ безпомощномъ возрастѣ ихъ со стороны тѣхъ, кто далъ имъ жизнь. Поэтому японецъ рѣдко дѣлаетъ сбереженія на будущее и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотритъ на иностранный обычай, который кажется ему слѣдствіемъ страха, что къ ста-

* При этомъ обычаѣ удаленія на покой являлась возможность для знати въ старыя времена обезпечить, къ своей выгодѣ, такое положеніе дѣль, при которомъ императоромъ всегда былъ ребенокъ. Правящій императоръ принуждался удалиться отъ трона въ возрастѣ около шестнадцати или двадцати лѣтъ, оставляя такимъ образомъ мѣсто для младенца, который, въ свою очередь, былъ куклой для притязательныхъ придворныхъ.

рости родителей неблагодарныя дѣти будутъ пренебрегать ими и бросать ихъ на произволь судьбы. Чувство, столь сильное въ Америкѣ, что зависимость отъ кого либо сама по себѣ тягостна, и что ея по-этому надо бояться, кажется совсѣмъ страннымъ для японца. Только что женившійся сынъ не заботится о томъ, чтобы ввести свою жену въ свой собственный независимый домъ и обезпечивать пропитаніе ей и ея дѣтямъ своимъ собственнымъ трудомъ или доходами со своихъ капиталовъ, но поселяется въ домѣ отца своего и отнюдь не считаетъ стыдомъ, что его семья живетъ на средства его родителей. Но, въ свою очередь, когда родители пожелаютъ отдохнуть отъ трудовой жизни, сынъ безропотно беретъ на себя бремя содержанія ихъ, и хлѣбъ, который родители кушаютъ при такихъ условіяхъ, отнюдь не менѣе сладокъ для нихъ, чѣмъ былъ тотъ, который они зарабатывали сами. На выраженіе столь чтимаго нашимъ временемъ убѣжденія европейца, что молодой человѣкъ долженъ быть независимымъ и предпріимчивымъ съ ранняго возраста, для того чтобы успѣть сдѣлать сбереженія на старость, японецъ отвѣтитъ, что дѣтей въ Японіи учатъ любить своихъ родителей больше, чѣмъ покой и роскошь, и что тамъ забота о будущемъ не является необходимостью, какъ это бываетъ въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ деньги цѣнятся выше всего на свѣтѣ,—даже сыновней любви. Это направленіе мысли можетъ объяснить крайній недостатокъ сбереженій для будущаго и отсутствіе накопленія богатствъ въ однихъ рукахъ, часто поражающіе иностранца въ Японіи. Японецъ считаетъ, что его „сбереженія на будущее“ сдѣланы, когда онъ поднималъ и воспиталъ надлежащимъ образомъ большую семью дѣтей. Онъ вкладываетъ свой капиталъ въ дѣло ихъ воспитанія

и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ обильное возмездіе въ благодарности и заботахъ объ его старости со стороны ихъ. Людямъ старой Японіи трудно понять погоню за богатствами и борьбу изъ-за нихъ въ Америкѣ,— борьбу, которая часто не оставляетъ времени ни для отдыха, ни для покоя, пока болѣзнь или смерть не застигаютъ неутомимаго труженика. Го-Инкю * въ Японіи радъ рано отрѣшиться отъ житейскихъ заботъ для того, чтобы имѣть нѣсколько лѣтъ покоя и мира, не нарушаемыхъ отвѣтственностью или заботами о суетныхъ дѣлахъ. Если онъ художникъ или поэтъ, то можетъ безпрепятственно проводить свои дни въ занятіяхъ излюбленнымъ искусствомъ. Если онъ любитъ церемоніальный чай, то всѣ послѣполдники онъ можетъ посвящать этому эстетическому кейѳу; и даже если онъ не имѣетъ никакихъ эстетическихъ влеченій, то все-таки всегда найдетъ сочувствующихъ ему друзей, которые готовы раздѣлить съ нимъ бутылку сакэ, помечтать съ нимъ за трубкой передъ дымящимся хибачи или сыграть съ нимъ глубоко-мысленную партію въ го или шогги—японскіе шахматы. Для японца быть въ обществѣ нѣсколькихъ „родственных“ душъ, провести долгіе часы лѣтняго дня за церемоніальнымъ чаемъ, прихлебывая его и безпечно болтая о различныхъ предметахъ,—удовольствие, равнаго которому онъ не знаетъ. Образованный японецъ старыхъ временъ долженъ былъ получать

* Го - Инкю-Сама — титулъ, присвоенный удалившимся на покой пожилымъ людямъ. Инкю есть названіе дома или ряда отдѣльныхъ комнатъ для такого пансіонера, и самый титулъ произошелъ отъ этого слова, съ прибавленіями къ нему китайскаго гонорифика Го и титула Сама,—то же самое, что Санъ; приставка, сопровождающая обращеніе ко всякому, съ которымъ говорить, если только положеніе послѣдняго не ниже того, кто къ нему обращается.

воспитаніе, особенно приспособляющее его къ такому времяпрепровожденію. Въ такихъ собраніяхъ друзей съ артистическими или поэтическими наклонностями время проводится въ писаніи поэмъ и обмѣнѣ остроумными изреченіями, сопровождаемыми комментаріями и острыми отвѣтами, или въ писаніи картинъ немногими смѣлыми штрихами кисти на заданную тему. Подобныя удовольствія, какъ думаютъ японцы, не могутъ быть не только оцѣнены, но даже хотя бы поняты практическими грубыми американцами—продуктомъ удивительной, но слишкомъ матеріальной цивилизаціи Запада.

Такимъ образомъ, посреди удовольствій и легкихъ занятій, приличныхъ преклонному возрасту, старики проводятъ свои дни съ молодежью, на ея попеченіи и подъ ея покровительствомъ. Иногда старикамъ отводятъ отдѣльныя комнаты, иногда—маленькій домикъ, удаленный отъ шума и суеты главнаго домохозяйства и отдѣленный отъ главнаго зданія заботливо содержимымъ маленькимъ садомъ. Во всякомъ случаѣ японцы проводятъ конецъ дней своихъ въ покоѣ и мирѣ, и къ этой гавани, къ инкію, всѣ японцы устремляютъ свои взоры, какъ къ порѣ жизни, когда они могутъ дать волю всѣмъ своимъ наклонностямъ и вкусамъ, безпечные до конца дней своихъ ²¹.